

# АНТОН БИЛЬЖО



## Где сходятся ветки

Очень ответственная, написанная «с серьезными намерениями» проза, с первых страниц которой совершенно ясно, что автору есть что сказать. А это редкое качество в наши дни. Лев Рубинштейн



Вперед и вверх. Современная проза

АНТОН БИЛЬЖО

**Где сходятся ветки**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Бильжо А. А.**

Где сходятся ветки / А. А. Бильжо — «Эксмо», 2020 — (Вперед и вверх. Современная проза)

ISBN 978-5-04-114045-8

Шестнадцать лет назад Михаил попал в жуткую автомобильную аварию и потерял память. Придя в себя, он узнает, что был женат, хотел стать ветеринаром. У него растёт сын, жизнь постепенно налаживается... но вот из ниоткуда появляется Мария, которая, с ее слов, была возлюбленной Михаила... Роман кинорежиссера («Рыбамечта», «Амбивалентность» и другие) и сценариста Антона Бильжо похож на всемирно известную психологическую и мистическую эпопею Дэвида Линча «Твин Пикс». Архангельск – «город ангелов» – еще ни разу в литературе не был таким таинственным, а люди, его населяющие, никогда так близко не подходили к грани, отделяющей Бога от Дьявола...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114045-8

© Бильжо А. А., 2020  
© Эксмо, 2020

## Содержание

1. Михаил	6
2. Рафаил	16
3. Варахиил	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Антон Андреевич Бильжо

## Где сходятся ветки

© Бильжо А., текст, 2020

© Бильжо А., иллюстрация на переплете, 2020

© Голованов Н., обложка, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

\* \* \*

*И назвал он храм свой замком.*

*И выбрал для него самый темный, самый непроходимый лес.*

*И огородил часть его высокой стеной, дабы не могли приблизиться к замку лишние, не могли отвлечь своими разговорами, сковать своими объятиями.*

*И построил высокую башню, ибо не хотел, чтобы звуки земные, запахи кухонные мешали его труду, посвященному небу.*

*И назвал он замок свой башней.*

*И была подобна та башня... и была подобна та башня всплеску, или водяной короне, или греческой колонне, но запутался он, какую выбрать, какая более всего отражает его индивидуальность – дорическая, коринфская или ионическая?*

*И пока думал, понял он, что форма башни была чуждой, не его личной формой.*

*А стены у той башни были из прекрасного голубого стекла, наиболее отражающего его холодную решимость посвятить себя небесному. Но ненадежно стекло.*

*И закрыл он стеклянную башню бетоном. И придал ему форму неопределимую. Ибо всякая форма определяемая казалась ему недостаточной.*

*И была у него в башне Центральная комната – Рабочий кабинет. И был тот кабинет просторным, с высокими потолками и Столом, на который падал свет солнца, а точнее, луны – из круглого жерла башни. Ибо работать приходил он по ночам, либо в особых потаенных состояниях, которые называл вдохновенными, дабы работа его была посвящена не земле, но небу и являлась познанием собственных его переживаний относительно внешних раздражителей, коими часто являлись женщины, ну, и не только женщины, конечно.*

*Ибо при глубоком познании собственных переживаний мог он познать и задумку неба в отношении всего рода людского.*

*И чтобы сконцентрироваться на собственных внутренних переживаниях, переместил он в башню все, что вызывало в нем воспоминания о внешних раздражителях, создав особые комнаты – пещеры.*

*И поскольку приходилось ему работать по ночам, дабы не мешали ему лишние, то и вспомнить расположение комнат наутро мог он не всегда.*

*И чем дальше, тем сложнее было ему пройти к Центральной комнате, к своему Рабочему кабинету, к своему Столу. И только в особых потаенных состояниях, которые называл он вдохновенными, получалось у него охватить взглядом строение целиком с башней голубого стекла, с комнатами и предметами, которые считал он связанными с внешними раздражителями.*

*И назвал он башню свою дворцом.*

## 1. Михаил

Зовут меня Гаркунов Михаил. Работаю я рамщиком на втором Лесозаводе по Ленинградскому проспекту в Архангельске. Сейчас на рамщика берут даже без опыта по окончании девяти классов. Рамщик должен помогать перемещать бревна и брусья, удалять пилпродукцию с рабочего места, следить за рамой, точить и смазывать ножи, вот и все. В профессии ценятся внимательность, аккуратность, скромность и расторопность. В то же время в должностных инструкциях сказано, что специалисту необходимо знать устройство лесопильной рамы, кинематические схемы устройства для движения пил, правила эксплуатации рам, технологические свойства древесины различных пород и так далее, и так далее. Не все понимают, что нужны хорошему рамщику и любознательность, и смекалка, и знание механики.

На втором Лесозаводе тружусь пятнадцать лет. Мастеров и начальников цеха при мне человек по пять сменилась. Одно время предлагали стать оператором нового бревнопильного станка с увеличением зарплаты, но я отказался – мне и при своей раме нескучно.

В коллективе, кто из новичков, называют меня по имени-отчеству – Михаил Тихонович. Те же, кто работает давно, используют прозвище. Закрепилось оно из-за моего внимания к соблюдению нормативов. Могу отличить небольшие отклонения в обработке бруса на глаз – тогда обязательно подойду и поправлю: «У тебя угол не прямой». Так и прозвали – Прямой угол. Действительно, брусок мой всегда выходит девяностоградусным, размеры не гуляют. В день получается не менее десяти кубов: учитывая отсутствие брака, это лучший показатель.

Росту я невысокого, но и не низкого – метр семьдесят четыре. Худой, но довольно выносливый. Кожа на щеках неровная, с рубцами, как после оспы. Ношу усы. Бреюсь раз в неделю. Нос больше среднего. Глаза скорее серые, но могут быть и в зеленцу. Взгляд с прищуром. В целом внешность приятная. Курю «Приму».

Наш завод располагается в красивом месте, прямо на Двине. Раньше это было крупное предприятие, но в девяностые его разворовали, старые станки сдали на лом. Сейчас, после прихода нового начальства, закупили несколько немецких машин. Все это происходило на моих глазах.

Из продукции выпускаем блок-хаусы, топливные брикеты, бруски, доски и вагонки. Ничего резного у нас нет, кроме плинтусов и простых наличников. Насколько понимаю, в планах начать выпуск лестниц, консолей и балясин.

Не представляю, что был бы сварщиком или, допустим, электриком. Еще хуже работать на химпроизводстве. Мне по вкусу древесина: нравится своей естественностью. На мой личный взгляд, лучший материал. Даже звук фрезы не смущает.

Пилим мы в основном сосны и ели. Северное дерево растет дольше южного. Из-за холодного лета и долгой зимы годовые кольца не разрастаются, тонкие волокна плотно прилегают друг к другу, делая материал твердым и прочным. Когда перекладываешь доски, внутренняя жизнь ствола видна по слоям. Листаешь, как книгу, постепенно доходя до сути. Коли дерево белое, без следов гнили, душа радуется. Расположение ветвей на стволе всегда особое. Чем дерево думает, куда и когда пускать отросток, – великая тайна. Но для нас, рамщиков, ветви большого интереса не представляют, следы сучков служат украшением в соответствии с нормами распиловки.

Наиболее счастлив я в утренние мгновения. Предпочитаю приходить на работу заранее, за пятнадцать минут до начала смены. Без пятнадцати восемь на заводе еще тихо, только вода плещется. В летний погожий день, хорошо прогуляться между сложенных штабелями досок и только что спиленных стволов, подышать запахом свежей стружки, постоять и покурить, глядя на Двину. Реку у нас на предприятии видно отовсюду. Мне нравится вода.

Шестнадцать лет назад в районе Талажского шоссе, недалеко от аэропорта, была обнаружена моя машина «Волга» ГАЗ-31029. От сильного столкновения передняя часть кузова полностью деформировалась. Авария произошла в отдалении от трассы. Зачем-то я углубился в лес метров на пятьдесят. Причины такого поведения не выявлены: в крови алкоголя не зафиксировано. Вероятно, заснул. Автомобиль нашел человек, имени которого не знаю. Звонок был анонимный. Отблагодарить спасителя так и не удалось.

Семь дней я провалялся в коме. Когда открыл глаза, пришлось учиться всему заново. Ни ходить, ни говорить, ни писать, ни читать не мог. Мне было тогда тридцать один год. Врачи диагностировали редкую форму амнезии – томография не выявила повреждений мозга, при этом память оказалось стерта. Приезжал даже профессор из Ленинграда, откуда ж еще. Разговаривал как с недоразвитым, по руке гладил, вопросы задавал, в блокнотик записывал. «Уникальный случай, – говорит, – я про вас в научном журнале напишу». Целый день на кухне просидел, чай гонял. Жена потом долго проветривала, все запах его одеколона чудился.

Хочу поблагодарить свою супругу, Гаркунову Анастасию Петровну. Без нее не встать бы мне на ноги, не сделаться полноценным членом общества. Настя забрала из больницы и, если можно так выразиться, на руках выходила.

В числе первых впечатлений новой жизни – милое склоненное лицо, лучистые глаза, дарящие надежду. Как супруга успевала и со мной нянчиться, и с Митькой, которому тогда шел пятый месяц, – представить нельзя. Мы с ним с одних ложек ели, под одни сказки засыпали. Так и росли, наперегонки. То он «мамка» выговорит, то я «Настя». Грубо говоря, попеременно к груди прикладывались. Одно время и конфликты бывали. Смешно вспомнить, конкурировали за место в постели.

Помню, однажды попросила меня жена со слезами на глазах помочь ей. Тяжело, мол, и на работе, и дома одной все тащить. «Миша, приди в себя, стань человеком». Это сильно отрезвило. Походил, подулся. А потом сумел почувствовать ответственность и как-то резко от Митьки в развитии оторвался. Сам питаться начал, ходить.

Вскоре сына со мной одного во двор отпускать стали. А там уже только наши мужские игры – на перекладине посидим-поплывем, камни покидаем, до магазина ходим, в лужах на пустыре головастиков проедаем. Однажды из горы чых-то кирпичей в котловане хижину сложили, ух, и досталось нам. Так крепла дружба.

Раз в неделю приходили врачи из поликлиники. По Настиному выражению, «для галочки». Успехи я делал большие. Уже через год свободно говорил, считал, писал. Мог и читать, если понадобится. Стала возвращаться память, вспоминались фрагменты жизни, картинки прошлого. Как покупал «Волгу», ту самую, на которой позже в ель впечатался. Как мы с Настей до дома ехали, она окно открыла, волосы у нее красиво развевались. Потом как гуляли по Петровскому парку – сирень цвела, Настена веток нарвала, хотя это и не положено. Пляж в Северодвинске, мы туда приехали шашлык жарить. Говорю – это уже в моей жизни было. Настя обрадовалась – конечно, было, и много раз! Польский ковер на стене – сам сказал, что нам его настины родители подарили. А еще картина – вид мелкого елового леса (это, скорее всего, на Уломских болотах), сижу один на мокрой кочке, к стволу прислонившись. И страшно, и встать нет сил. Тут вдруг голос родной – «Миша!». Оглядываюсь, а это Настя, бежит, спотыкается, морошка у нее из ведра сыплется. Подбежала ко мне, обнимает. «Куда ж ты делся, родной, мы тебя по всему лесу ищем». Я одно время все, что вспоминал, фиксировал. И события каждого дня тоже. Так мне тот доктор вонючий посоветовал.

Не прошло двух лет, жизнь вошла в привычное русло. Врачи отстали, а Насте я сделался помощником – по дому убирался, готовил, стирал. От прошлой немочи осталось только головокружение. Иногда поплывет все ни к селу, ни к городу, особенно, если забеспокоишься. Но это делу не помеха. Пришла пора о настоящей работе задуматься.

Учился я в Москве в Ветеринарной академии Скрябина. Окончил с красным дипломом. По словам Насти, всегда был человеком работающим, малопьющим.

До аварии часто ездил в столицу, пытался открыть частную ветклинику, а возвращался из поездок всегда мрачный: жаловался на неудачи, сложности в общении, говорил, что мечтаю проводить больше времени с семьей.

Так или иначе, когда встал на ноги и окреп в новой жизни, к животным больше не тянуло. Рядом по Ленпроспекту (мы живем в районе Жаровихи) открылась вакансия рамщика. Почитал литературу и устроился. Профессия, как я уже говорил, хорошая.

Еще скажу пару слов о супруге. Настя работает врачом-логопедом в детской больнице. Нрава она веселого, никогда не скучает. Иногда и потанцевать любит, и песню может спеть, особенно, если выпьет. Я по сравнению с ней даже сычом могу показаться.

Глаза у нее чуть раскосые, северные, нос широкий. Зубы молочно-белые, идеально ровные. Кожа гладкая. Ростом Настя выше меня, но в движениях присутствует скромность – как будто стесняется. Особенно нравится голос жены – неторопливый и рассудительный. «Медовый», как теща говорит. Нельзя не заслушаться.

Кроме того, Настя мастерица готовить. Таких пельменей во всем Архангельске не сыскать. Всегда сажусь и смотрю, как она ловко прищипывает краешки теста. Стыдно признаться – по телу бегут мурашки. Помню, прикасались эти пальчики ко мне, когда лежал я на диване обездвиженный.

Семья моей жены большая: брат, жена брата, две их дочери. Плюс живы Настины родители. Все эти люди, так или иначе, помогали мне оклематься, почему и хочу рассказать о каждом из них.

Настин отец, мой тесть, Петр Ефимович Рогов, работает инженером по технике безопасности на рыбоперерабатывающем заводе. Это мужчина добрый, умный, образованный. Все что угодно починит. Часто он сидел со мной, приходя с работы, когда Настя не могла. Читал «Трех мушкетеров». Я, дурак, будил его, если засыпал он посреди интересного места.

Теща, Вера Игоревна Рогова, тоже проводила со мной много времени. Ее любимое блюдо – треска с картошкой. Вроде просто, а как запахнет с кухни, с ума сойдешь. Нальет немного маслица в треску, картошечку подавит, вот и готова лучшая на свете закуска. Еще небольшой ее рецепт – натрите чесноком корку черного хлеба.

Мне кажется, Вера Игоревна мудрая женщина и настоящее управление семьей крепко в своих руках держит. Петр Ефимович никогда ей поперек слова не скажет.

Настин брат, Евгений, пошел в отца по части способностей. Починить может что угодно. Сейчас работает в гастрономе – меняет батарейки, заводит часы, изготавливает ключи. А раньше был ювелиром и до сих пор может сделать любое украшение. Вот уж у кого руки золотые! Меня Женя научил ездить на велосипеде и играть в футбол. Мы с Митей до сих пор в свободную минуту выходим погонять мяч.

Жена Евгения, Людмила, работает воспитателем в детском саду. Это приятная женщина с мягкими на вид губами. Чем-то напоминает мне Настю – такая же неторопливая и плавная в движениях.

У Евгения и Людмилы – две дочки-близняшки: Лика и Вика. Сейчас им по десять. Девчонки заводные, веселые – и поют, и танцуют, и рисуют гуашью. Каждый раз, как приезжают, перед нами целое представление разыгрывают. Я думаю, такое всестороннее развитие получилось благодаря Людмиле, которая с утра до ночи с детьми занимается.

Семья у нас дружная. В любой момент стараемся вместе собираться. Удобно, что Настины родители живут тоже на Жаровихе. А Евгений с Людмилой приезжают аж с деревни Гневашево, где у них деревянный дом с зимним отоплением. Летом привозят свежие овощи, огурцы мы Женькины солим. Дом Евгений справил собственными руками при помощи моего бруса (то есть мною лично заготовленного).



Мы с Настей и Митей живем в трехкомнатной квартире ни много ни мало на шестьдесят три квадрата. Располагается она как раз напротив того места, где должны были построить бизнес-центр, да так и не построили. Хотя Настя говорит, даже макет в музее остался – там и магазин должен был быть, и ресторан, и торговый центр. Как раз перед тем, как я память потерял, строительство заморозили. Хотя мы уже чего только не напланировали.

У Митьки своя комната, вся обвешанная афишами футболистов. Имеются также небольшая гостиная и наша спальня. Есть плазменный телевизор, посудомоечная и стиральная машины, блендер и соковыжималка. В квартире недавно я поклеил обои, заменил паркет. Настя увлекается домашними растениями – так сковал для нее красивые подставки под кашпо. Пришлось у знакомого кузнеца с работы подучиться. Сейчас откладываем деньги на автомобиль. В летнее время ездим в деревню к дяде Жене удить рыбку.

Моя мать, Гаркунова Инга Анатольевна, содержится в ширшинском психоневрологическом интернате на Талажском шоссе. Она почти не двигается и не говорит – нуждается в ежедневном уходе. В аварию я попал, возвращаясь от нее. За сиделку платим двадцать тысяч в месяц. Деньги для нас немалые – поровну вычитаем из зарплат. Настина зарплата на треть больше моей.

Мой отец, Гаркунов Тихон Петрович, работал стармехом на траулере. Умер до аварии. О нем мне совсем ничего не известно.

Попытки найти людей, которые могли бы что-нибудь рассказать о моем прошлом, успехом не увенчались. По московским телефонам из старой записной книги никому дозвониться не удалось. Из знакомых да старых приятелей выискался только некий Василий Спиридонов. Вроде в школе учились вместе. По словам Насти, жил он напротив моей старой квартиры в районе Варавина, где Фактория, а если точнее, на улице Воронина.

Больше года назад, в конце лета, мы к нему наведались. Двор я неожиданно узнал: старую котельную с черной трубой; столбы для веревок, на которых сушится белье; пятиэтажный дом силикатного кирпича.

Поднялись на третий этаж: Настя показала мою дверь. Я прислонился к холодному дерматиру. Услышу ли свой голос? Нет, тихо.

Напротив – еще деревянная, крашенная коричневой краской, со ржавым почтовым ящиком дверь того самого Спиридонова.

Перед тем как позвонить, заволновался: встреча с прошлым. Голова закружилась.

Вышел алкоголик. Ноги тонкие, трясется, глаза, как у окуня на прилавке, – кроваво-оловянные. «Здравствуй, Вася», – супруга произносит, она его раньше знала немного. Ни слова не сказав, повел нас гостеприимный хозяин на кухню. В помещении находилось было невозможно по причине запаха.

«Что же ты с другом не поздороваешься?» – когда за пустой стол сели, Настя спрашивает. «Да, какой он мне друг». – «А кто же?» – «А никто». – «Не стыдно тебе, Вася? Миша в аварию попал, памяти лишился. Пытается узнать, каким он был. Неужели помочь не можешь?» Вася только ухмыльнулся и на Настю зыркнул. «Чего тебе надо от меня?» – спрашивает. Я кулаки сжал, а жена под столом меня по коленке гладит, сама же к Спиридонову ластится – и все ради меня. «Ну расскажи, какой он был? Ну что тебе стоит? Чего ты злой такой, Васенька? Неужели ничего не помнишь?» – «Помню, почему же, – хитро подмигивает. – Как мы с тобой гуляли помню». – «Ну, это было-то два раза всего». – «И чего?» – «Чего?» – «Про Мишу-то?» – «Про Мишу... да так себе, средней паршивости человечек, зазнавался много. Гнилой изнутри». – «Зачем такие вещи говоришь?..» – расстроилась Настена. «Говорю как есть».

Так и простились, лучше бы не ходили. До сих пор перед глазами этот дружок. Глядит искоса, мутно, сам ноздреватый, фиолетовый... Что я ему сделал? Настя сказала, это от выпивки и несчастной семейной жизни. Я у Спиридонова ее отбил, вот он и бесится, ни с кем познакомиться не может.

Одиннадцатого апреля я вышел с проходной Второго лесозавода. Было это где-то в седьмом часу, то есть до сумерек еще оставалось время. Погода стояла сухая, солнечная. В автобус садиться не хотелось, и мной было принято решение пройтись. Благо до дома пешим ходом не более минут сорока – максимум, часа.

На противоположной стороне Ленинградского проспекта напротив проходной стояло такси, которого я поначалу не заметил. При моем появлении из него выскочила женщина. На ней было рябинового цвета пальто, бежевый шарф в клетку и черные лакированные туфли. Почему обратил внимание на туфли – потому что не соответствовали нашему климату. То есть женщина, скорей всего, не местная.

Встала, мнется, – прямо на проезжей части. В линию тени от забора не входит. Хорошо запомнился пар из ярко крашенного рта. «Привет, – говорит. – Ты меня, наверно, не помнишь». – «Что-то, – говорю, – припоминаю». – «Понятно... Поехали, поговорим?»

Когда сели в машину, женщина объяснила, что прибыла из Москвы, а сейчас мы направляемся в Пур-Наволок, где часто встречались раньше. Это дорогая гостиница у нас в центре, при новой жизни я туда не заходил.

Теперь попробую описать приметы женщины: среднего роста, тощая, скорее бледная, с довольно гладкой кожей. Глаза недобрые, внимательные. Разговаривает свысока, как с маленьким, а сама при этом нервничает. Ощущение остается, что либо скрытничает, либо пытается обмануть. Внешность мне показалась знакомой.

Зайдя в гостиницу, поднялись на последний этаж – сразу в ресторан. Я с такой высоты окрестностей никогда не обзирал. А картина, надо сказать, красивая. Солнце бросает последние лучи. Розовая полоса Северной Двины внизу с черной проплешиной полыни, свободолобивые чайки. Вдали хорошо просматриваются Мосеев остров и район Гневашево, где обитает шурин. Даже мысль закралась: а что, если бинокль наведет?

«Меня Мария зовут», – представилась женщина и заказала бутылку вина. «Я вообще не особо пьющий», – говорю. «Да это ж вино». – «Ну, ладно». – «Как ты живешь, Миша? Сколько лет прошло?» – «Не меньше шестнадцати». – «А то и больше». – «Вот этого сказать не могу, поскольку до аварии себя не помню».

Пришлось поведать кратко обо всем, что случилось с моего выхода из больницы. Я говорил, а Мария все вина подливала.

«Почему же мы здесь встречались?» – спрашиваю наконец. «А ты не догадываешься? – женщина пообмякла, лукавые взгляды бросает. – Насте своей ты здесь со мной изменял». – «Да ну!» – для виду хорохорюсь, а сам думаю, что надо бы удочки сворачивать. «Раньше ты совсем другой был», – продолжает как змея шею вытягивать, глазищами гипнотизировать. «Возможно. Но теперь я себе больше нравлюсь». – «Это потому, что ты не помнишь, какой ты раньше был». – «И какой же?» – «Красивый. Вот такого тряпья никогда бы не позволил натянуть». А на мне как раз был бушлат ВМФ, подаренный Настей, – вещь практичная и комфортная, и на мой взгляд, стильная. «Как же так можно было измениться?» Тут я из себя легонько вышел: «Ты зачем приехала?» – «Повидаться... спуститься в номер ко мне не желаешь?» – «Не». – «Ну, ладно. Если что, я еще недельку тут поживу. В 313-м».

На том и распрощались. Я за вино деньги приличные отдал, съехал в лифте, вылетел на воздух, продышался и галопом домой.

Поначалу значения случившемуся не придавал, несколько дней жил как в тумане. Был уверен – обстоятельства забудутся, инцидент будет исчерпан. Говорил себе: произошло недоразумение; мне и ездить с ней не надо было.

Однако размышления о том, каким я был до аварии не давали покоя. Вспоминались слова и взгляды Спиридонова. «Человек средней паршивости, гнилой изнутри». На то же указывали и воспоминания Марии.

За работой переносить раздумья легче. Знай пили брус, ни о чем не беспокойся.

Одиннадцатое – это у нас был вторник. Значит, в среду я домой вернулся вовремя, как положено. А вот в четверг уже после работы понесло в Пур-Наволоку. Зачем-то гулял вдоль реки перед гостиницей. Места выбирал поближе к воде, подальше от людей. Чтоб с одной стороны меня было видно, а с другой казалось, человек сам по себе прохаживается. Армейские ботинки для таких прогулок не предназначены – песок налипает, идти тяжело. Из рифленой подошвы потом не выбьешь.

Придя домой, ботинки обстукал, тайно обмыл – почему-то страшно стало, что Настя все поймет. А она и поняла, думаю. Притихла как-то, спросила, не устал ли.

На работе я общаюсь, а, значит, дружу только с одним коллегой – водителем лесовоза Петровым. Это оригинальный человек. В своей кабине хевиметал всегда на полную врубает. Внешне круглый. Кожа на лице красная. Глаза хитрые, как бы заспанные. Общительный. Его все любят.

Года три назад он ко мне подошел. «Не суди, – говорит, – по внешности, я рак победил самолечением, людей насквозь вижу: ты человек глубокий, аура у тебя индиговая, теменная, значит, ты просветленный, а что в жизни тебе не все понятно, так это нормально, святые всегда с бытовыми проблемами сталкивались». С тех пор у нас место за штабелями, где курим, обмениваемся интересными мнениями. Допустим, по вопросу, откуда взялся мир. Петров считает, что мир – божье творение и главное – при жизни к творцу приблизиться. Я с ним не соглашаюсь: живи по совести, делай свое дело – и хватит с тебя. Много он меня про кому спрашивал. Я ему объяснял, что ничего особого там не видел, ни себя со стороны, ни света в конце тоннеля, а он мне никогда не верил. Посмотрит лукаво, пальцем погрозит – «все ты видел, рассказывать жидоморничаешь». Также и по вопросам устройства общества, бывает, спорим до посинения. Петров считает, что России нужна анархия. Я же склоняюсь к мнению тестя: лучшим строем у нас был и остается коммунистический.

Выслушав про Пур-Наволоку, Петров выразил идею, что надо обо всем забыть, так как блуд разрушает целостность личности. Мысль верная, но, с другой стороны, как свою личность понять? Может, она – это я до аварии. На это Петров посоветовал: если очень хочется, то лучше один раз сходить. Тем более женщина не местная, уедет, и как будто ничего не было. А так, мол, жалеть всю жизнь буду. «Иди, Прямой угол, – говорит. – Не рассусоливай. Но помни, что надо тебе во всех обстоятельствах единым и неделимым оставаться. Только так сможешь обрести ты собственное предназначение».

Было это пятнадцатого числа, то есть через четыре дня после нашей с Марией первой встречи. За разговором ушло по три пива, для меня – объем выше среднего. С этим связываю и смелость своих последующих действий. В районе десяти вечера уже был возле Пур-Наволоки. Поднялся в 313-й, позвонил в дверь. Только Мария открыла, как я быка за рога: «Пришел поговорить, а не то, что вы подумали». – «А я ничего не подумала, я вообще уезжать собираюсь...». – «Как уезжать? – прошел в комнату, сел на тахту. – Вы же вроде еще неделю пожить хотели?» – «Перехотела». – «Ну, не сердитесь, – беру Марию за плечо, а у самого сердце вот-вот через рот выпрыгнет и в голове вертолет. – Мне же надо с вами поговорить». – «В прошлый раз вы говорить не захотели». – «Это потому, что вы мне сразу в номер спуститься предложили». Посмотрела на меня со злостью и молчит. «Мне важно знать, каким я был, понимаете? Кто я? Как мы познакомились?» – «У меня самолет через полтора часа, машина должна с минуты на минуту приехать». Я женщину кое-как рядышком с собой усадил. «Глупо получается, – продолжаю настаивать. – Скажите хоть адрес. Куда писать?» – «Зачем? Ты же счастлив и так... И жалостливо меня по волосам погладила. Я тут глаза зажмурил, ее губы своими нашел. Руку на грудь даже сунул. «Не надо», – Мария рывком встала, оправилась, ручку чемодана выдернула, пальто свое натягивает. «Прощайте, Михаил». Я за ней по коридору. «Куда ж вы?» – «Домой». – «Где живете?» – «В Москве. Если бы вам интересно было, могли бы свое прошлое

сами исследовать. А так вам на тарелочке с голубой каемочкой подносить, мне выгоды нет». В лифте с ней вниз доехал, до машины довел, чемодан погрузить помог – и все, прощай, спокойная жизнь.

Двадцать третьего апреля, то есть через двенадцать дней после описанных событий, я обратился к своей семье во время ужина со следующими словами: «Прошу отпустить меня в Москву с целью наведения справок относительно моего прошлого».

При этом присутствовали Настя и Митька, а также Петр Ефимович, Вера Игоревна и Евгений Петрович Роговы. Жены шурина не было – пошла с дочками в театр кошек.

За столом, что называется, повисла пауза. Я увидел, как шурин вроде тайно улыбнулся, Петр Ефимович выпрямился и застыл, а Вера Игоревна украдкой глянула на Настю. Тещиново вердикта я опасался более всего. Однако она смолчала.

«Хочешь, поезжай, конечно, – просто сказала Настя. – Возьми на работе отпуск».

Начальник цеха Кравчук бегунок подписывать не хотел, а попытался сразу уволить. Другого рамщика, мол, найти несложно.

Стало немного обидно за выслугу лет, за приобретенные навыки, за трудовую деятельность. Все-таки я и в дереве, и в станках разбираюсь, могу честно сказать, лучше почти всех на предприятии. И помочь меня неоднократно просили, если рама из строя выйдет. И метик сквозь ствол я определяю, и с морозобоинами справлюсь, и свилеватость красиво обстрогать умею.

Позже, задумавшись, осознал, что рамщик, объективно говоря, профессия низкой категории, специалистов вокруг безработных много.

В результате сговорились на неделю отсутствия, не больше.

Настя помогла купить билет. Дала из своих денег пятнадцать тысяч. Вера Игоревна испекла пирожков в дорожку. Мы с Митей по душам побалакали, пока мячом об стенку долбили. «Чего, отец, новую бабу завел?» – «Мить, соображай, что говоришь». – «А чего тогда? Чем тебе с нами плохо?» – «Я ж не навсегда уйду. Просто надо понять, кем я до отключки был». Митька мяч за коробку запустил, домой убежал. Так толком и не попрощались: переходный возраст. А шурин в день отъезда пошутил: «В Москве не дай надругаться над своей невинностью», как будто тоже обо всем догадывался.

До вокзала ехали с Настей и Петром Ефимовичем в его «Ниве». Он провел подробный инструктаж, как вести себя, – не связываться с таксистами и носильщиками, опасаться милиции, постараться ни о чем никого не просить и никому не верить. Для постояя рекомендовал гостиницу «Юность», где сам жил около сорока лет назад.

Я пообещал, что буду звонить в случае чего.

Когда поезд тронулся и родные поплыли назад, показалось, что Насте стало нехорошо – Петр Ефимович приобнял ее, она закрыла лицо руками. Как заметил это, сразу испытал головокружение. Не люблю, когда она плачет. Выбежал бы, кабы мог.

В мои планы входило обратиться в Ветеринарную академию, попытаться восстановить интересы, круг общения, выяснить, как меня воспринимали окружающие. Был ли я достойным членом общества или человеком средней паршивости, гнилым изнутри. Втайне надеялся выйти на Марию и задать ей тревожившие вопросы. Надежды глупые – человека без фамилии и телефонного номера и в Архангельске не сыскать, не то, что в Москве.

Под стук колес обо многом передумал. Раньше просто хотел прожить жизнь. Нравилось повторение раз заведенного ритуала. Точно знал, что ничего, по сути, не может измениться. С телевизионных экранов талдычат: мечтай, надейся, стремись. А я не думаю, что соль в этом. Нет жизни, которая была бы хуже другой. Смысл не в суете, мечтах и переменах, а в том, чтобы прожить свою личную судьбу. Так я себе это представлял и ясно видел.

А потом случились события, из-за которых сижу здесь, на боковухе, смотрю в окно и еду незнамо куда. Теперь ты, Гаркунов, не там и не тут. Личность, которой мало своего существования. Для чего же ты оторвался от корней и закружился по ветру, как липовое семя? Чего ищешь? Такие вопросы не давали заснуть. Плюс дед, сосед, шебуршал пакетами. Закемарил я только под утро с чугунной башкой, а когда проснулся – приехали.

Москва сразу показалась шумной, неродной. Народ толчется, в глаза не смотрит. Но красиво. Дороги освещены, кафешек много, не то что у нас, шаурма одна. Плюс, чего хорошо, номера у них на домах светятся. В Архангельске, пока вплотную не подойдешь, не поймешь, где находишься.

Позже, спустившись в метро, ощутил прилив гордости. Какие дворцы и музеи построены для простого народа. Сколько вложено труда, чтобы нам жилось лучше! Единственное, переживал, что деньги вытащат. Руку в кармане держал, сжимал купюры.

Первым делом доехал до «Юности». Гостиница показалась хорошей, для меня даже слишком. Номер одноместный «эконом», три тысячи рублей. Удобный санузел, широкая тахта, телевизор, мебель из ДСП. Тепло.

При мне было пятнадцать тысяч Настиных денег и десять моих собственных. Неделю прожить можно с шиком. Да лучше оставить родным.

В тот же день, чтобы не терять время, отправился в Ветеринарную академию. Погода в Москве стояла прямо летняя, прахом от земли прошлогодним сладостно потягивало.

Как только увидел кирпичные корпуса за бетонной стеной, возрадовался – неужели, здесь провел свою молодость! За оградкой аллея, по которой спешат студенты в белых халатах, с такими хорошими лицами, что каждого расцеловать хочется. Иду мимо и думаю – вот, этот розовощекий в очках мог быть моим закадычным приятелем, а с той нескладной девушкой двадцать лет назад познал бы я радости первой любви. Возле общежития плакат: «Врач лечит человека, ветеринар – человечество!» Прямо в душу попадают такие слова.

Не удержался, заглянул в анатомическое отделение: круглый зал с длинными партами, доска, большое чучело верблюда. Здесь я сидел, слушал лекции, записывал – впереди рисовалась чудесная жизнь!

Дошел до главного здания с колоннами, голубыми елями и бьющими по ветру флагами. Тут снова гордость взяла за науку, за себя, за то, как страна приветчает ветеринарных специалистов.

Сблизил узнал гранитные ступени, ведущие к высоким знаниям. Долго бродил под сводами, среди квадратных и круглых столбов, топтал световые обрезки на старом паркете, разглядывал таблички над дверьми – кафедра иммунологии и биотехнологии, мелкого животноводства, генетики и разведения животных им. В.Ф. Красоты, товароведения, технологии сырья и продуктов животного и растительного происхождения им. С.А. Каспарьянца, ветеринарной хирургии, микробиологии, есть даже кафедра философии. Вспоминал каждый поворот, каждую щелочку, каждый портрет, каждое окошко, каждый шкафчик. Хотелось присесть возле студентов, побалакать с ними. Так вот, за что меня полюбила Мария! За то, что я таким был: парнем в белом халате.

По совету уборщицы заглянул в учебную часть. За столом сидел и писал крупный мужчина в сером костюме. Лицо мясистое, сложение и повадки обстоятельные. На взгляд лет тридцати пяти.

Поначалу я растерялся, не знал, как задать вопрос, поэтому поинтересовался, что делать человеку в моем возрасте, если он хочет пройти обучение. Мужчина осмотрел меня быстро и вернулся к работе. Проинформировал, что подавать можно с июня. Стоимость сто двадцать тысяч в год. Всего учиться надо пять с половиной лет. Есть очная и очно-заочная формы. «Вам какая удобней?» – «Очная». – «Хорошо, учтите только, что там молодежь, школьники в основном».

Что делать? Вышел, походил-побродил, да и вернулся в гостиницу. Было еще часов семь. Только начало темнеть, тоска навалилась. Куда я лезу, в самом деле, к школьникам?

В четырех стенах стало думать о Марии. Взял листок бумаги, записал:

«Помню, стояла на проезжей части, туфелькой по асфальту цокала.

Помню в тень от забора не зашла, видать, замерзла.

Помню пар из красного рта: пока через дорогу бежала, запыхалась, но виду подать не хотела. А пар, значит, выдавал.

Помню, взяла за рукав и потащила в машину, как маленького.

Помню, в машине зубами клала.

Помню след от туши у ней на нижнем веке.

Помню, в лифте решил, что озлобилась.

Помню, домой шел против ветра, бушлат нараспашку».

Дописав, повалился на кровать, руки за голову. Что теперь? Включил телевизор. В это время обычно с Настей сериал смотрим. Пощелкал каналы – не за что зацепиться. Думаю опять, зачем приехал? На следующий день утром рано поплелся в академию – прямиком в учебную часть. Там все тот же, как потом выяснилось, начальник курса.

Я к нему с заготовленной фразой: «Вы меня простите, возможно, кто-то есть у вас, кто меня помнит» – и красный диплом на стол. Начальник взял документ, изучил. «Эта кафедра, которая тут написана, – новых технологий селекции сельскохозяйственной птицы, – уже лет десять как упразднена». Но я не отстаю, настаиваю. Он взял телефон, набрал кому-то, мне трубку протягивает. Там голос старушачий: «Мишенька... Я – Маргарита Ивановна, я тебе с лабораторией помогала, как ты, Миша? Ты меня помнишь?» – «Хорошо, – говорю, – не помню». – «А Маша с тобой?». – «Маша?! Вот, как раз Машу-то я и ищу». – «Ну, дай Грише».

Начальник послушал, покивал. Помрачнел как будто, отвернулся даже. «Да, Маргарита Ивановна. Вас понял». Потом объяснил, что это была знаменитая профессор Терехова, которая возглавляла ту кафедру птицы. Она, мол, меня хорошо знает и ценит. Очень настаивает на том, что я обязан к ней зайти. Лучше прямо сегодня вечером, по такому-то адресу, она мне все обо мне расскажет и про Машу тоже, хоть и неважно себя в последнее время чувствует.

Хотел я уже Григория от души поблагодарить, руку ему протянул. А он не жмет, отворачивается. «Вот, ты значит, какой, северный олень. А я тебя за уголовного принял». – «Вы меня, получается, тоже знаете», – улыбаюсь. «А не пошел бы ты на три веселых буквы...» Я ушам не поверил. «За что, товарищ?» Но Григорий мимо как ошпаренный пронесся, дверью хлопнул так, что дипломы попадали.

Что такое? То Спиридонов, то этот вот!

Полетел обратно в гостиницу переодеваться. Женька, молодец, выдал в дорогу свой свадебный коричневый костюм. Вот и пригодился. Ну, думаю, теперь не уйду, пока всю правду не выясню. Хватит загадок. Если я плохой человек, хочу, чтобы мне рассказали, где и что я натворил. С другой стороны, коли профессорша ценила, значит, и хорошее во мне было. Да, и Мария не могла же просто так глаз положить.

Облачившись, себя не узнал. Опытный ветеринар в зеркале. Много испытывший, исколесивший, совершивший не один трудовой подвиг, человек, свою специальность крепко знающий. Настроение сделалось даже приподнятое.

Терехова проживала возле метро «Киевская». Купил девять красных гвоздик. Долго лазил по дворам между заборов, искал дом. А затем случилось следующее.

Двадцать восьмого апреля, около девятнадцати сорока пяти по московскому времени, в районе пересечения Брянской улицы и Можайского вала мотоциклист в черном, лицо скрыто шлемом, выпустил в меня четыре пули из пистолета «ТТ». Одна пуля попала в бедро, одна в грудь, одна по касательной задела руку. Четвертая вошла в фундамент близстоящего дома.

Падая на асфальт, подумал: чужой костюм порчу, гвоздики мну. Неудобно. А потом в наступившей тишине другая мысль поразила, что отведено мне было шестнадцать пустых лет, за которые так и не узнал, кто я: хороший ли, плохой, добрый ли, злой, слабый ли, сильный. И отрезок этот дан не как обычным людям с рождения, а где-то в середине, случайно.

## 2. Рафаил

15 апреля. Несмотря на холод, день солнечный, и в воздухе чувствуется приближение весны. Прекрасная пора для прогулки. Пока жена спит, я отправляюсь на Невский. Сегодня я намерен проанализировать причины тревожного эмоционального фона, возникшего около двух недель назад. Итак, восстановим события.

Я был в институте на семинаре по гипнотерапии. В тишине скрипнула дверь, и вошла Анна, наш администратор. Извиняясь в своем стиле шепотом на весь зал и строя забавные гримасы, она протиснулась не к кому-нибудь, а ко мне, и шепнула, что меня ждут в вестибюле. Я ответил на быстрый удивленный взгляд сидевшей рядом супруги моей, Ирины, легкомысленным пожатием плеч, с некоторым волнением поднялся и направился к выходу. Раньше меня никто не навещал.

За углом коридора в холле, где обычно ожидают клиенты, располагалась женщина в пальто оранжевого цвета. «Простите, – сказала она, вставая. – Хотела с вами поговорить наедине». – «Мне сейчас неудобно, – ответил я. – Может быть, позже?» – «Конечно». – «Давайте через час, в кафе «Север».

Внешность женщины можно было бы определить как миловидную. Сумочку она держала перед собой, двумя руками, как бы обороняясь. Во взгляде читалась робость, что плохо сочеталось с вызывающим цветом пальто. Возможно, сложности с принятием мира, нарушенные социальные связи, аутичность. Вспоминая о нашей первой встрече, могу сказать, что сразу принял ее за пациентку. В голове моментально сложилось: меня порекомендовал кто-то из института. Причина: я активен на семинарах, многие знают о моих планах стать психологом.

По возвращении в зал, где Зисельман отвечал на вопросы чересчур дотошного Дементьева, снова поймал взгляд жены. Ирина не спросила, что случилось, чтобы не влезать в мое личное пространство. В то же время я отдавал себе отчет, что ей не может не быть интересно. Поэтому прошептал, что приходил педагог по рисованию. Такая версия родилась спонтанно, пока шел по коридору. Скорее всего, мне не хотелось, чтобы жена знала о моих планах начать практику. Она предупреждала, что пока не считает меня готовым к профессиональной карьере в связи с недостатком образования и опыта.

На улице после семинара я вернулся к объяснению. «Странный педагог. Пришел прямо в институт». – «Ты дал ему этот адрес, не домашний?» – Ирина стряхивала пепел в Фонтанку и не смотрела в мою сторону, так как не хотела показывать свою заинтересованность. При этом я понимал, что она меня анализирует, поскольку просто не может без этого. «Да, решил, здесь будет удобней. Уже договорился с Анной, они дают мне бесплатно тот кабинет с окнами». – «Здорово ты все устроил». – «Сильное желание и визуализация. Все, как ты учила. К тому же мне будет приятно, если все увидят, что я развиваюсь как специалист в области арт-терапии». В интонациях последней фразы сквозила ирония. Я рефлексировал, что не могло не понравиться жене, считающей способность воспринимать самого себя признаком осознанности.

Пока я думал, поняла ли Ирина заложенный мной посыл, она смотрела с легкой улыбкой, то есть долго не отрывала взгляд, устремленный куда-то в область моих бровей. Ее волнистое темное каре на ветру напомнило птицу, пытавшуюся взлететь. Интересный образ, который навел на цепь ассоциаций. Скоро весна. Лед треснул, вода под ним заворочалась, подобно обсессивно-компульсивной личности под давлением невроза. Теперь при виде воды меня уже не охватывает ужас, как раньше. Все течет, все меняется...

Ногу в своем любимом казаке Ирина поставила на перекладину ограждения. Я глубоко вздохнул. Мне показалось, жена мыслит о чем-то, не доступном моему пониманию.

«Я быстро – туда-сюда». – «Окей». Ирина кивнула и пошла к машине. «Ты меня подождешь?» – Сделала страстный танцевальный разворот, чтобы у меня не закралось подозрений



относительно адекватности ее восприятия: чувство юмора – признак психического здоровья. Сказала по-французски: «Пуркуа па?»

Почему по-французски? Этот вопрос мучил, пока я бежал к кафе. Пару раз оглядывался, боясь, что Ирина следит. Откуда этот страх? К тому же незнакомка в пальто могла на самом деле оказаться учителем по рисованию! Она так и не объяснила своих намерений. Но зачем я наврал про класс с окнами. Ведь Анна может рассказать жене обо всем, язык у нее без костей. Вскроется-то в любом случае обязательно. Все это было крайне неудобно и ставило меня в ложное положение. К тому же французский язык ассоциируется у нас с общим хобби, связанным с кинематографом, где часто исследуется тема любви. Значит, жена уже поняла, что я иду на свидание?

Незнакомка сидела за столиком «Севера», как назло, прямо у большого окна, выходящего на Невский. Когда я, отдуваясь, чтобы скрыть легкий тремор, сел напротив, она ненадолго подняла глаза. «Вы меня, наверно, не помните. Я Мария». – «Кухня «Мария», – зачем-то грубо пошутил я. – Не помню. Мы знакомы?» – «Конечно».

Типаж у женщины был не мой. Я люблю уверенных интеллектуалок, поскольку считаю главной своей эрогенной зоной мозг, а в данном случае имела место скорее ролевая модель – «ребенок». Скованность женщины говорила о том, что она нуждается в защите. У нее было бледное лицо, свидетельствующее о нервной структуре личности. Тонкие пальцы бегали по пустой чашке, как будто там еще оставался горячий кофе. Любопытно. Однажды к нам приходила такая же зажатая пациентка. Потом из аудиозаписи, которую я расшифровывал, выяснилось, что она нимфоманка. Это открытие перевернуло мои представления о женщинах. Никогда не суди по наружности, как правило, все наоборот. Кстати, материал лег в основу прекрасной статьи жены о причинах супружеских измен.

«Дело в том, что двенадцать лет назад...» – начал я. «Знаю», – перебила Мария. «Вы знаете обстоятельства моей жизни?» – «Да». – «Мне почти удалось восстановить пробелы...» – «И тем не менее вы меня не узнали...» – «У вас есть доказательства?» Тут Мария наконец оторвалась от кофейной гущи и с удивлением взглянула на меня. Ее глаза были, как мне показалось, правильной формы. «Доказательства чего?» Я понял, что поторопился. Намек на знакомство в прошлом еще не был обвинением.

За стеклом ходили десятки и сотни носителей когнитивных систем, среди которых могли быть наши общие с Ириной знакомые. Кафе находилось недалеко от Психологического института. Мне то и дело казалось, что я вижу черный джип, выскакивающий со стороны Фонтанки. Подошел официант, но я отказался сделать заказ. «Все это очень любопытно, но нам придется продолжить в другом месте и в другое время. Я очень спешу». – «Если не хотите, мы можем вообще не говорить о вашем прошлом... или вообще не говорить».

Это была профессиональная ловушка. Каждый психолог знает: чтобы разобраться в настоящем, копай в прошлом. «У вас психологическое образование?» – «Нет». – «Мне хотелось бы поговорить о моем прошлом, но не здесь и не сейчас». Мы договорились встретиться на следующий день в тринадцать тридцать в Румянцевском саду.

Возвращаться было тяжело, мозг лихорадочно изобретал несостоявшийся разговор. «Ну, как?» – спросила жена, когда я залез в нашего тонированного «буйвола». – «Вся в себе. Как и полагается художнику». – «Не скажи. Художники больше направлены вовне. Стараются воспринимать реальность эмоционально». – «Эта как раз была не такой».

Мы покатали по набережной. Я всматривался в прохожих, боясь увидеть оранжевое пальто, и продолжал рассказывать, чтобы выглядеть непринужденным. «Договорились, что буду ходить раз в неделю. Причем не в здание института. У нее своя студия». – «Она тебе понравилась?» Жена успела снова закурить. Выпустив дым в окно, посмотрела на меня и ободряюще улыбнулась. «Она мне интересна», – признался я.

На следующее утро я подошел к Анне и попросил об одолжении – ни о чем не говорить Ирине. Сказал, что ко мне пришла пациентка, и я не хотел бы никаких личных конфликтов на почве профессиональной ревности. Дал понять, что лечить буду с помощью арт-терапии. Даже, мол, попытался снять студию в институте, но пациентке удобней в другом месте. В общем, как мог, устранил последствия своей растерянности.

Необходимо было подготовиться к предстоящему разговору, наметить стратегию поведения. В случае, если наша связь имела болезненные последствия для Марии, попытаться их нивелировать. В институте есть специалисты, помогающие избавиться от эмоциональной зависимости, тот же Дементьев, не говоря уже о Зисельмане. Я бывал на соответствующих семинарах и мог бы предложить несколько всем известных шагов. Перепишите сценарий жизни, распутайте клубок детских травм, найдите в себе точку опоры, создайте гармоничные отношения. Рецепт хорошо изучен, вопрос в том, чтобы найти правильные слова. Я предполагал и худший вариант: ребенок на стороне, аборт с последствиями, развод и депрессия. Если ко мне будут претензии, делать акцент на том, что я теперь другой. Быть подчеркнуто вежливым, выглядеть чуть виноватым.

В качестве одежды выбрал серый пуховик и темные штаны, чтобы ничем не вызывать возбуждения. Для теплоты поддел синий свитер со звездами, подаренный Ирой. Не знаю, чем он ей понравился. Мне эти мультяшные рисунки всегда казались двусмысленными.

Согласно прогнозу погода должна была быть холодной. Но к двенадцати выглянуло и сразу стало припекать солнце. Даже в новостях передали, что поставлен какой-то температурный рекорд. Мария сидела на скамейке в своем вызывающем пальто. В руке у нее была раскрытая книга. «Беллетристика, любовный роман», – почему-то подумалось мне.

Приветливо улыбнулся, но присесть не осмелился, как бы приглашая пройти. «Хорошо, что вы пришли». – «Как могло быть иначе». Звук собственного голоса показался мне приятным. Раньше я так ни с кем не разговаривал. Слова выходили неторопливо, без усилий, откуда-то снизу живота, как описывается в пособиях по ораторскому искусству. Движения тоже приобрели плавность. Если бы не солнце... Пришлось немного пробежаться, поскольку я не вышел вовремя, традиционно провожая до института Ирину, и теперь пот тек градом. Однако снять пуховик я не мог из-за дурацкого свитера.

Мы двинулись по гравийной дорожке мимо старых черных деревьев с ранами обрубленных ветвей, замазанными зеленкой. Мария ступала легко. Интересно, сколько ей лет. До сих пор не разбираюсь в возрасте.

Тени показывали спектакль прошлого. Бесформенный силуэт в пуховике и четкий – в пальто. Вначале они были видны на фоне гравия. Потом попали в ловушки высоких крон. Миновав один из бюстов, мы подошли к чаше фонтана.

«Так вы хотели о чем-то поговорить?» – снова подал голос я. «Вот думаю, с чего начать. И вообще, стоит ли». Она усмехнулась, быстро взглянув на меня. «В общем, вы меня, значит, не помните...» – «Ну, почему же. Меня погружали в гипноз, я рассказывал про девушек, с которыми был знаком. Среди них наверняка были вы». Мария нахмурилась. Как именно нахмурилась? Я бы описал это словом «недоверчиво».

«И что вы о них рассказывали?» – «С некоторыми я вел себя не лучшим образом. Бросал их, обижал. Был не готов построить равноправные отношения. Надеюсь, этого больше не повторится».

Накануне я решил быть предельно строгим к себе. Нелегко обвинить человека, способного к беспощадному самоанализу. Этот ход должен был, с одной стороны, расположить, с другой – лишить противника аргументации. Мои слова возымели действие. Мария остановилась и задала следующий вопрос. «Вы счастливы?»

Я ожидал чего угодно, только не такого беззастенчивого внедрения на мою территорию. Не у всех людей развито чувство такта. Отвечать следовало осторожно. Если сказать, что счаст-

лив, – можно спровоцировать месть. Ответ «нет» означал бы крик о помощи. Возведение барьеров – это искусство, приходящее с жизненным опытом. Допустим, эта женщина обладает компрометирующим меня знанием. Тогда она могла в обеих случаях направить его против установившегося в моей жизни статус-кво.

Следующие мои слова были верхом дипломатичности и в то же время приглашением перевести дискуссию в более профессиональную плоскость. «Ключ к счастью – анализ, которому я учусь. Поэтому мне так важно услышать, что привело *вас* ко мне. И попробовать, при необходимости, совместно найти выход из сложившейся ситуации. Только проговорив проблему, можно найти решение».

Мария задумчиво кивнула. «Вы немного странный, – сказала она с горечью. – У меня нет никаких проблем. Я приехала, потому что соскучилась. Рада, что у вас все хорошо».

Мне не понравился ее тон. Она пыталась вызвать во мне угрызения совести, то есть манипулировала. Непонятно, как строить разговор дальше. Но Мария взяла эту заботу на себя. Остановившись в районе обелиска и прищиплив меня к нему взглядом, она выдала одну маленькую тайну, касавшуюся моего прошлого, о чем, кстати, никто не просил. Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Все это время женщина находилась в моей зоне комфорта, видимо, ожидая похвалы, а может быть, просто изучая мои реакции. Пришлось принять закрытую позу. Финал разговора вышел скомканным. «Вы больше ничего не хотите спросить?» – «Нет, спасибо». Мария протянула мне ладошку и сухо попрощалась. Спустя пару минут, я наконец – распахнулся и вышел следом. Оранжевое пятно плыло по набережной к Благовещенскому мосту, выделяясь между темных, как фобии, фигур петербуржцев. Когда я наконец снял пуховик, свитер был насквозь мокрым.

Последовательное изложение действий и мыслей обнаруживает их связь, а также выявляет взаимоотношения с объективным миром. Вернувшись домой, я попытался подробно все вспомнить и записать. Главным вопросом были мотивации Марии. Зачем она приехала? На какую реакцию рассчитывала? Ее целью, очевидно, была провокация. Увидев во мне подкованного противника, женщина отступила.

Я смотрел на страшное пятнистое море из окна комнаты, упираясь локтями в свой пока еще детский письменный стол. Передо мной лежал раскрытый дневник. В жизни что-то менялось, наполняло отрицательно окрашенными эмоциями, выражающими ощущение неопределенности, трудноопределимыми предчувствиями. Важно все взвесить и обдумать, а затем принять решение.

К концу рабочего дня я постучал в кабинет жены. Она читала книгу, по своей привычке делая пометки на полях остро заточенным карандашом. Улыбнувшись и сняв очки, Ирина привычным жестом указала на мое любимое «спасательное кресло». Сколько раз оно перевозило меня через «море хаоса» к «берегу разума».

«Захотелось поговорить про художницу, – начал я, сделав глубокий вдох и кладя ослабленные руки на мягкие подлокотники. – Она, кстати, *не художница*». Ирина заинтересованно подалась вперед. Ее лицо просветлело. «Это я поняла». – «Как?» Вопрос был задан без удивления. Кто бы мог серьезно усомниться в проницательности доктора психологических наук?! «Ну, ты бы видел себя, когда придумывал про изостудию, – прятал глаза и потел, как обычно...» – «Да-да. Вегетатика». – «Ничего страшного. Что ты сейчас чувствуешь?» Над столом повисло ожидание. Жена не торопила меня, давая сформулировать. Время, которого не хватало в жизни, всегда находилось в ее кабинете.

«Вначале я подумал, что хочу помочь той женщине, – сказал я. – Поэтому согласился на встречу, которую она предложила». – «Почему ты не рассказал мне?» – «Ты же против того, чтобы у меня были клиенты». Ирина отвела глаза, и знакомое нетерпеливое движение подбородка выдало легкое раздражение. На секунду я даже усомнился в том, что сделал правильно, придя сюда. «Может, нам не стоит продолжать? Обратимся к третьей стороне?..» – «Дорогой,

Раф, – устало улыбнулась Ирина. – Я горжусь тобой. Хочу, чтоб ты об этом знал. Горжусь тем, что ты пришел. И что хочешь разобраться, а не пускаешь все на самотек». Чего скрывать, мне было приятно такое слышать.

«Так как ты хотел помочь ей?» – «Профессионально. Мне показалось, у нее внутренняя боль...» – «В связи с чем показалось?» – «Она смотрела на меня с надеждой». – «С надеждой?» – «Мы встречались ранее. И, видимо, любили друг друга». – «Опиши ее». – «Она больше подходит под ролевую модель – ребенок. Аутичная, робкая». – «А внешне?» – «Я бы сказал... без возраста. Походка легкая...» – «Среда?» – «Не успел уточнить, но, наверно, артистическая». – «С чего ты это взял?» – «У нее было яркое пальто». – «Что тебе в ней понравилось?» – «Какая-то покорность... она ничего не хотела». – «Рабская покорность русской женщины, – в глазах Ирины вспыхнули знакомые искры. – Чудесно». Почуввав тему, она делала «стойку» и всегда потирала кисти рук.

«Мы погуляли по парку. Потом женщина заплакала и ушла», – продолжал я. «Ты не поцеловал ее?» – «Нет» – «Почему?» – «Я не...» – «...не успел». – «Скорее, не захотел». – «Ты испытываешь потребность ее найти?» – «Да». – «Конечно. Тебе это не может не быть интересно. Почувствовать то, что ты чувствовал когда-то...» – «Не уверен, что дело в этом, – помотал головой я. – Мне необходимо разобраться в прошлом, а не безответственно переспать с новой пассией». – «Но переспать и есть разобраться». – «Не думаю. Это ничего не изменит».

Формулируя ответ, Ирина наклонила голову и постучала пальцами, унизированными фамильными кольцами, по сукну столешницы. Затем резко вскинулась, смахивая волосы с лица, и снова улыбнулась мне. «Видишь ли, девушка явно приехала с определенной целью. Тебе показалось, что она хотела помощи, но ей нужно было другое. Можешь сказать, что?» – «Любовь?» – «Бинго. Ты ей не дал того, чего она хотела. Ты оказался слишком умным». – «Но с другой стороны, я ведь мог многое о себе узнать». – «Мог, но что бы ты делал с этим знанием? Измена в любом случае – лишь экскурсия. Подтасовка, уклонение от жизни... Рано или поздно надо либо свернуть окончательно, сделав боковой путь магистральным, либо вернуться. Либо обмануть. Взрослость проявляется в том, чтобы жить здесь и сейчас. Удивительно, несмотря на амнезию, ты оказался взрослей глупенькой овечки. И, похоже, преподал ей урок верности».

Речь Ирины обладает удивительным свойством. Стоит ей заговорить, как тревоги уходят. Возвращается уверенность в том, что поступаешь правильно.

Когда мы вышли, несколько человек стояли на набережной Фонтанки и фотографировали огненный закат. Потом Фейсбук пестрил одинаковыми кадрами. Ирина сказала, что люди предсказуемы и в целом мало отличаются друг от друга.

Я сел на свое пассажирское место. Прежде чем включить зажигание, жена взяла мою руку в свою: «Хочу, чтобы ты понял. Если почувствуешь необходимость уйти с магистрали, я с этим справлюсь». – «Хорошо». – «А теперь предлагаю отметить нашу общую победу». Мы включили мантры и понеслись по Питеру. Я приоткрыл окно, чтобы впустить в себя все многообразие жизни. Впереди рисовалось лето на балтийском берегу – прибрежное кафе «Альбатрос» со свежими мокрыми ромовыми бабами, чтение в тени на пляже с обязательным обсуждением прочитанного на вечернем променаде.

Заехали в любимый ресторан авторской кухни «Дискурс». Тут вместо стен – книжные шкафы. А еще есть проектор, транслирующий фильмы семидесятых. Обожаем этот период, особенно французов: разве было что-то лучше в истории кинематографа? К сожалению, сейчас уже не снимают интеллектуальное кино.

Заказали бутылку красного, и когда выпили по первому бокалу, я начал в свою очередь задавать вопросы. Иногда хочется, как говорит Ирина, «поиграть в психолога». Спросил, испытывала ли она ревность во время моего рассказа. Жена призналась, что первый укол почувствовала в тот момент, когда за мной зашла Анна и сказала, что меня ждут. Это был явный «привет из прошлого». Потом по моему взволнованному лицу легко было догадаться, что ждала

именно девушка. Вранье про художницу было шито белыми нитками, я врать не умею. А когда рассказал, что собираюсь ходить в изостудию регулярно, жена поняла – адюльтер предполагается системный. Поэтому в тот момент, когда я зашел в дверь психологического кабинета и стал рассказывать, главной эмоцией Ирины была благодарность.

Наш столик находился в углублении за подвязанными темными драпировками. Уютно светила лампа, звучал французский аккордеон. В полупустом зале перед нами сидела только одна пара. Седоватый мужчина в очках, похожий на профессора, и маленькая круглая дама в индийской накидке. Дама бурно жестикулировала, позвякивая браслетами. Видимо, пыталась в чем-то убедить мужчину. «Постулируемая субъектность сельскохозяйственной птицы в данном случае не работает, как чистый солипсизм...» – слышалось мне. Ирина закатила глаза. Я развязал лямки, опустил шторы, и мы пустились во все тяжкие. Целовались, как безумные. Жена залезла мне на колени и выразила готовность исполнить одну эротическую фантазию вне очереди (мы соблюдаем очередность, чтобы никого не обидеть). Я признался, что часто представляю себя в образе цезаря, которому прислуживают наложницы.

Дома жена накинула на меня лисью шубу и усадила в высокое кресло отца, всемирно известного психиатра, создав, таким образом, импровизированный трон (второе такое же кресло из семейного гарнитура находится в психологическом кабинете на Фонтанке). Держу пари, немногие видели Ирину Федоровну Павликовскую исполняющей танец живота. Шикарный вечер, который запомнится надолго.

Таким образом, инцидент оказался исчерпан. Позже воспоминания о Марии вызывали во мне только легкое чувство брезгливости.

Свернув к Фонтанке, я пошел вдоль реки. Миновал Измайловский сад, наше тайное место. Лошадь-самолет на колесах, леший под зонтиком, шар с театральными масками, кошка с птичьей клеткой внутри. Мы с Ириной подолгу простаивали перед скульптурами. Тут я попытлся формулировать первые ощущения. Здесь понял огромную важность чтения для формирования ассоциативных связей. А также необходимость постоянного наблюдения за внешним и внутренним миром.

Звоню в дверь, прохожу через холл, беру ключи у Анны, которая сегодня выглядит торжественно. Черное платье в белый горох и большой красный цветок в волосах придают ей задорный вид. Несмотря на то, что у Анны лишний вес, она пользуется успехом в личной жизни. После моей просьбы у нас установились прекрасные отношения. Аня даже спрашивала моего совета, как вести себя с очередным молодым человеком, долго не отвечавшим на смс. Я порекомендовал кое-что из методик целеполагания: а именно постановку сроков. Писать по одной эсэмэске в два часа на протяжении недели, если ничего не получится, бросить затаю. Это привело к желаемому результату, Анна все-таки встретила с предметом своих грез.

«Здравствуйте, Рафаил Тихонович», – с уважением говорит Анна. «Здравствуй, Аня». Хорошая девочка, раскованная, но не навязчивая.

В коридоре наталкиваюсь на Якова Борисовича. Это небольшого роста мужчина лет семидесяти пяти, с черными, глубоко посаженными глазами, пышными бровями и поросшими темным волосом толстыми пальцами. Ходит он медленно. Останавливаясь передохнуть, подолгу смотрит на кого-нибудь. Может заглядывать в кабинет, пугая женщин, или просто наблюдать проходящих мимо сотрудников. Яков Борисович Зисельман – всемирно известный специалист в области гипносуггестивной терапии.

В институте ходят слухи, что у профессора прогрессирует слабоумие. Сотрудники разделились на два лагеря: одни считают, что светиле пора на покой, другие – что экспертов такого уровня надо использовать до последнего. Мы с Ириной принадлежим ко второму лагерю. Я лично имел честь убедиться в способностях Якова Борисовича так как проходил у него курс

лечения после выхода из комы. Зисельман погружал меня в гипноз, пытаясь вернуть память после того, как мое тело было найдено без сознания на треснувшем льду реки Пряжки.

«Привет», – набрасывается Зисельман, когда я почтительно останавливаюсь. Шея у старика почти не поворачивается. Через какое-то время я начинаю ощущать жжение, как будто меня просвечивают насквозь. Долго с гипнологом стараюсь не разговаривать. «Как самочувствие?» – «Все хорошо, Яков Борисович». – «Пришел в альма-матер?» – «Хочу зайти в кабинет, кое-какие дела подчистить». – «Ну, давай, подчищай». Боком удаляюсь, а Зисельман хитро провожает, застыв вполоборота. Сумасшедшая энергетика – кажется, он знает о тебе все. Как можно говорить, что «Зисель сбитый летчик»? Люди типа Дементьева не справляются с профессиональной ревностью. Ирина шутит – у Дементьева осталась только одна зависимость: от собственного эго.

Поднимаюсь на второй этаж, открываю кабинет с табличкой «Павликовская». Вот место, где я «вылупился и оперился». Старинный стол, который жена перевезла специально, чтобы «чувствовать над собой крону корней», а также стул, о котором уже говорилось. Салатового цвета стены, бледно-зеленые шторы, шкафчик светлого дерева с книгами по семейной психологии. Именно по ним я начинал знакомство с литературой. А также бежевое «спасательные» кресло и толстый ковер цвета водорослей с золотистыми древнегреческими волнами по периметру – то самое «море хаоса».

Обычно в психологических кабинетах должна быть расслабляющая и обезличенная обстановка. Чтобы ничто не вызвало бурного интереса клиента и не давало ему повода отвлечься от собственной истории. Однако у Павликовской есть фирменные приемы. Например, стену позади ее стула украшает абстрактная картина с большим оранжевым пятном и колесом сансары. На шкафу стоит бюстик Петра Первого. На подоконнике – горшок с домашним растением, диффенбахией. Каждый из этих предметов рассчитан на вопрос клиента. Картина дает повод жене немного рассказать о буддизме. Бюстик Петра Первого – о выгодах рационального мышления и активной жизненной позиции. А диффенбахия – о том, как чувствует себя женщина при слишком заботливом мужчине-отце: поливать поливают, а вот гульнуть уже не получится. Иногда супруга во время приема зажигает ароматические палочки: несколько наборов – роза, сандал, ваниль – всегда хранятся в правом верхнем ящике стола.

Мои любимые – сандаловые, от них так сладко гудит в голове. Тот же аромат больше всего нравится Ирине. Сейчас я открываю правый верхний ящик, достаю упаковку для медитации, ставлю палочку в подставку со слоном и поджигаю. Затем сажусь в кресло жены и некоторое время сижу, не двигаясь, с закрытыми глазами. Вскоре в память начинают вливаться воспоминания. Я не пытаюсь управлять сознанием, просто нахожусь в потоке, настраиваясь на прошлое.

Вижу жену, расшифровывающей аудиозапись моего голоса в ночном кабинете института. Она склонилась под лампой с абажуром из цветных стеклышек, который я разглядывал часами, представляя, что и синий, и красный, и зеленый, и желтый пришли к нам в гости. Мне тепло, колени укрыты пледом, глаза сами собой смыкаются. Я снова засыпаю, а когда просыпаюсь, опять вижу стол, лампу, женщину.

Это период восстановления. От головы Ирины тянутся проводки наушников, которые связывают ее с моим внутренним миром, они помогут разобраться в нем и объяснить его мне. В какой-то момент женщина отрывается от работы и поднимает глаза. Ее умный взгляд исполнен нежности. Сколько раз она повторяла, что получить такого клиента было для нее огромной удачей.

Один из основных вопросов, которые толкают нас вперед, – почему все случилось так, как случилось. Бывает, ответить непросто. Но это не значит, что бесполезно пытаться. Всегда есть логическое объяснение. Вслед за Ириной я считаю свое падение на лед результатом неправильных установок. По ее словам, мне суждено было упасть, чтобы, оттолкнувшись от психи-

ческого дна, вынырнуть на поверхность, в план реальности. Во мне было огромное желание перемен. Благодаря ему моя жизнь сейчас выглядит иначе. Я стремлюсь проживать каждый миг осознанно. Пытаюсь быть взрослым. Мне нельзя сдаваться, идти на попятный. Я должен мыслить позитивно, чтобы никогда не повторять ошибок прошлого.

Наконец дверь открывается и входит мой добрый гений. «Ты уже здесь, – улыбается Ирина, внося в комнату свежесть своей уникальности. – И свечу зажёл, умница. Готов принимать пациентов?» На ней мой любимый «костюм училки», синий, с блестящими пуговицами. Волосы забраны в пучок, глаза подведены карандашом, губы накрашены вишневой помадой для брюнеток. Именно такой жена приезжала в больницу, где я выходил из комы: такой, я ее полюбил. Ирина кладет сумочку на стол, садится рядом, потеснив меня на своем стуле, дружески закидывает руку на плечо. «Мне захотелось больше узнать об отце», – тихо говорю я.

### 3. Варахиил

«Здравствуйте, Варахиил! Меня зовут Мария, и я пишу вам из Москвы, поскольку не имею возможности встретиться лично. Мы были знакомы раньше. Знаю, что вы не помните ничего до определенного момента своей жизни. Сейчас она полностью посвящена вашей жене, и это прекрасно. Однако в интересах истины, которая, как мне кажется, даже лишая покоя, оказывает благотворное влияние на существо человеческого происхождения, хочу сообщить следующее: у меня есть некоторые сведения о том, почему вы не хотели быть с Соломеей раньше. То есть до того, как все забыли. Вы мне сами рассказывали. Возможно, сейчас этот опыт помог бы вам что-то переосмыслить, от чего-то освободиться, обрести более глубокое и объемное понимание мироздания и своего места в нем. Ответьте на это письмо, если вас заинтересовало мое предложение. Спасибо».

Я и так был на взводе: воскресенье, блять, красный день календаря, Стелла должна танцевать в «Соме», а тут еще эта муть – мироздание, понимание. Испугать, что ли, эта пизда меня решила? Или развести на бабки? Для спама слишком лихо, да? Или они уже научились залезать в файлы компьютера? Откуда эта Мария знала роль, которую играла Стелла когда-то? Поддавшись эмоциям, я написал: «Дорогая Мария. Иди на хуй».

Утром мы, как обычно, сняли сети с Саней. Парень выглядел так, как будто ему дала его жаба-жена – пел и пританцовывал. Я ее видел пару раз. Ростом полтора метра, руки жилистые, кулачки злые. Однажды Саня (на самом деле он Сунан, сунь в анус, легко запомнить) пришел на ночную рыбалку с таким фонарем, что хоть бросай его в воду вместо люминофора.

Улов у нас получился хороший – кое-что из мелочи, три окуня, змееголов и здоровенный тунец. Если на круг, получается где-то по восемьсот бат – на пиво хватит.

Вернулся домой около четырех. Стеллы не было. В день выступления она всегда уезжает раньше. Надо настроиться перед танцем. Жена у меня – шаман. Неудивительно, что вокруг всегда творится столько пиздеца.

В тот день особо я ничего не планировал. Думал, просто посидеть, повтыкать, посмотреть на воду. Может, порисовать, если будет настроение. К тому же надо было отсканировать Стеллину фотосессию. Она хотела показать ее одному пидарасу из модного журнала. Все мечтала, что ее заметят серьезные продюсеры, позовут сниматься.

Короче, сел я в кресло, достал Корону, заслонявил блант, сделал пару тяжек. Мысли побежали, как мадагаскарские тараканы. Ничто не предвещало паранойи, но меня-таки накрыло. Не думаю, что дело в траве. Может, то письмо было замедленного действия.

Факты стали цепляться один за другой. Вспомнилось, как сегодня утром Стеллу как-то слишком сильно разморило. Мы висели в гамаке, пили винчик. Я мечтал, как распишу нашу хижину. Адам и Ева живут в раю вместе со змеей, жрут плоды со всех деревьев и не парятся. Жена слушала рассеянно. Я задал ей вопрос, нормальный ли сюжет? Помню, этот блядский отсутствующий взгляд. Не рановато ли ты выехала – за три-то часа?

В шесть я сорвался. До «Сома» минут пятнадцать. Внутри из посетителей еще никого не было, если не считать двух угашенных нерусских туристов. Как всегда, перед входом дежурили Ваня с парой проблядушек. Я сходил в гримерку, потыкался в дверь Стеллы – закрыто. Взял ипу и вернулся в зал. «Посижу, – говорю Ване, – на веранде, подожду жену. Не рассказывай, что я тут, и подруги пусть молчат. Ты же знаешь ее характер». Ваня нахмурила лобик и сказала по-нашему – «халасо».

Давно заметил место в тени. С дороги не видать, зато улица как на ладони. Шлюшка не расскажет – у нас с ней контакт. Год назад познакомился с Ваниным бойфрендом, пенсионером с Урала. Брал его на рыбалку, расспрашивал обо всем. Оказался веселый мужик, тоже, как и я, рос без родителей. Доказывал свое право. В тюрьме сидел, хотя по виду не скажешь. Ваан



крепко втюрилась, целый год лила слезы, когда пенс с пенисом уехал. Приходила даже к нам послушать русскую речь.

В половину седьмого подкатил знакомый джип цвета дерьма, и оттуда выскочил клоун Наронг в своей расшитой пижаме. Открыл дверь, подал ручку Стелле. Я как ее увидел, пелена на глаза упала. В том самом синем платье, тварь, которое я подарил. Вопрос: куда ездили – в ресторан или сразу в гостишку? Если бы тайский мудвин двинул за ней, я бы там его и угандошил. Но он поцеловал Стеллу в щеку и съебался. На пустом месте скандал разводить не хотелось, я же не лох, надо было выяснить подробности. Подмигнул Ване, но та отвела глаза. Люди всё знают, люди всё видят.

К семи начал подтягиваться народ. «Сом» самый большой клуб на Яо Яе, так-то здесь деревня. Приходят в основном европейские ебыри из ближайших гостиниц. Редко пары. Подростки, как их называет Стелла, за шестьдесят – в шортах, с рюкзаками, на бодрых щах. Хотя в последнее время к ней стали ездить местные, среди которых несколько непростых. Тот же Наронг – у него магазины «Севен Элевен» в порту. Рассказывали, что в Пхукете тоже. Стелла говорит, охмуряет богатеньких для нашей же пользы. Так я и поверил. Девяносто девять процентов ее аудитории – развратные мужики, в том числе муслимы. Знаю их, как обзалупленных – на уме одно.

Над гостями клуба замаячила белобрысая башка Фрица. Это высоченный инструктор по дайвингу, которого я стал в последнее время слишком часто засекать в районе нашего дома, на мелководье, где обычно купается жена. Однажды Фриц вылез на берег и разлегся прямо под нашими окнами. Просто-напросто откровенно разложил муде на нашей сковородке. Пришлось выйти, объяснить популярно, чья это территория. Больше на район он не совался, зато пожаловал сюда – радостный, с букетом. Я встал поздороваться. Фрица как ветром сдуло.

В семь тридцать заиграла Афта дарк, Тито и Тарантула. Я протиснулся в набитый зал и притаился в углу. Стелла уже вышла с Бельшом, красиво изогнувшимся на ее шее. Программу знаю наизусть – тот самый всем известный танец Сальмы Хайек, почти один в один. Вопрос тут не в хореографии, а в исполнении.

Вначале Стелла двигается плавно, как будто не хочет беспокоить змею, устроившуюся на тепленьком. Самое интересное начинается, когда вступают тамтамы и появляются две тайки с факелами. Танец ускоряется, движения Стеллы становятся бешеными. Бельш просыпается, а кто бы не проснулся? Хорошо, что до Яо Яе не добрались защитники животных. В определенный момент моя колдунья вступает с питоном в магический коннект, который никого никогда не оставляет равнодушным. Не буду здесь вдаваться в подробности, но все это имеет под собой философию. Типа, нельзя сопротивляться неизбежному, но можно вступить с ним в игру. Я не слишком силен в объяснениях, Стелла это круто раскладывает. Астральная воронка и символический фаллос – что-то такое.

Шоу содержит элементы импровизации. Иногда змея чувствует вайб и делает то, чего захочет Стелла. Ради этого в «Сом» и набивается столько трахателей уток, которые ни хрена не смыслят ни в философии, ни в собственной религии. Одно время в программе еще были трансы, но потом их убрали, как слишком скучный номер. Сложно жить рядом с такой примой, теперь вы догоняете. Даже удавы не справляются.

Ближе к концу композиции я увидел, что Ваня сделала жест в сторону Стеллиной примерки. Не сразу понял, что имелось в виду, но на всякий решил метнуться.

Тито и Тарантула еще не доиграли, Стелла была в трансе, закатывала глаза и гладила питона, в общем, общалась с духами. Я втопил к шторке у нее за спиной и оказался в коридоре, где уже сегодня был. В примерке никого. Кошутся перья, может, от сквозняка. Постоял-постоял, открыл шкаф с платьями. Туда бы взрослый мужчина не залез, но я все равно проверил между складками. Собирался уже возвращаться, когда осенило выглянуть во двор через черный ход. Там-то я его и засек.

Наронг, ебать его в жопу, прислонился к джипу и нервно курил. Я сплюнул и без лишних разговоров пошел на него. Со мной сложно, когда падает планка. «А ю вэйтинг фо самбади, фака?» «Ноу», – таец замотал головой. Как раз вовремя, потому что я резко выбросил руку и смазал его по левой скуле. Гад успел юркнуть под локоть, атаку развить не получилось. Тогда я выкинул лезвие, которое ношу специально для таких случаев. Мы пару раз оббежали вокруг машины. Ящерица, пожирающая мусор, что-то крикнула (я пока на местном не шпрехаю, если не считать ругательств), и с улицы подтянулась толпа тайцев. Пришлось отбросить перо. Ну, что же, господа, можно и так. Стеллин хахаль для приличия тоже остановился. Это меня и подвело: слишком обрадовался. Подлетел и в тот же миг получил по носу. Из глаз искры, вкус юшки на зубах. Учил тайбо, гандон, заехал с ноги. Ну, и что – я только озверел. Давай месить руками, лишь бы попасть. Наронг уворачивался-уворачивался, потом не выдержал, сиганул через кусты. Я за ним, хер бы там. Исчез в пыли, куай.

Одержав победу, надеешься, что хоть «спасибо» скажут, а получаешь хер на постном масле. Стелла стояла у входа и хлопала глазами, показывая, что она тут не при делах. Я схватил ее за руку и потащил к дому. В пальмовой тени прижал к волосатому стволу и легонько придушил: «Хорошо повеселилась, на чет хи?»

Кое-как добрались до бунгало: упиралась кошка, орала «как же я тебя ненавижу», разыгрывала спектакль, который всем тут уже вот где. Я кинул ее на циновку и выбил всю дурь. «Сволочь, Вара, не останавливайся, люблю тебя». Вот, чем все это кончилось.

Спустя пару часов мы лежали мокрые, как из матки, дули бонг и смотрели на закат. Утром нос распух. Стелла все прикладывала какой-то корень, но я вспомнил, как она лечила мне ветрянку и угробила бы, если б не Ванин пенс. Короче, с утра пораньше помчался в травмпункт. Оказалось – перелом. Зато принцесса моя месяц с меня не слезала. Тогда-то я и написал ее портрет с питоном на стене в прихожей.

Он был в священных тонах, как день понедельника. Я использовал множество цветов: насыщенно-желтый, кукурузно-желтый, нарциссово-желтый, золотисто-березовый, темно-грушевый, дымно-желтый, ярко-желтый, отборный желтый, янтарный, желтый карри, глубокий зеленовато-желтый, темный золотарник, глубокий желтый, медный, восход солнца, шафраново-желтый, грушевый, блестящий зеленовато-желтый, транспортно-желтый, золотой, желтого школьного автобуса, рапсово-желтый, лимонный, одуванчиковый, песочный, горчичный, кукурузный, незрелый желтый, кремowo-желтый, лимонно-кремовый, цинк, мандарин, лазерный лимон. А индигово-персидски-синий питон то ли вползал в мою красавицу через рот, чтобы согреться, то ли выползал из глубин ее черной души.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.